

МЕЧТЫ

Первые декорации

Сегодня я проснулся в половине третьего ночи в слезах. Во сне я видел умершего папу. Он сидел в кресле в своих темно-синих галифе, сапогах и нижней тельной рубашке так, каким я помню его во время войны, и улыбался. Я, стоя на коленях и обняв его, горько плакал. Сквозь слезы я жаловался ему: «Папа! Папа! Мне плохо, мне не нравится эта жизнь!»

А он улыбается и, успокаивая меня, говорит: «Я и сам так думал, когда был молодым, маленьким».

В воспоминаниях папа и дедушка всегда улыбаются, даже усмеваются мне и всегда так снисходительно, но не ко мне, а как бы к жизни.

...Тот же глубокая для меня, маленького, ночь 1944 года, а скорее полночь. Я просыпаюсь в нашей с Таней и бабушкой Грушей спальне и в чуть открытую застекленную, но завешенную дверь в гостиную вижу свет и слышу тихий разговор мамы и папы. Видимо, папа только что вернулся от дедушки. Он что-то принесенное показывает и поясняет маме. Я бужу Таню, и мы подаем голос. Зажигается свет и в спальне, и в комнату вносится небольшая дореволюционная картонная коробка, оклеенная серо-зеленой бумагой с выпуклыми золотыми буквами.

Внутри множество вырезанных из ватмана и раскрашенных фигурок-персонажей сказок и сплюснутых раскладных сценок с небом и пейзажем, с парикабельными фрагментами — интерьеров дворцов, деревьев, скал, шатров, волн. Я в первый раз вижу театр, вернее я в первый раз вижу работу театрального художника, и это замечательная игра. Все это очень старенькое, почти истлевшее, но сохраненное с 1913 года. Все мастерски и тщательно нарисовано пером

сепией. И сделано это дедушкой Гришей для маленького папы. Тогда и мне захотелось не просто рисовать, а делать декорации. Ах! Какой там был, он и сейчас есть, замечательный человечек — один из гостей царя Салтана, одетый в испанский камзол и короткий, пурпурный плащ, застывший в

изящном поклоне, рыженький и с рыжей же бородой, так похожий на самого дедушку.

Совсем недавно я увидел этот ящичек у Тани. Видимо, он был извлечен с полатей, где пролежал еще сорок пять лет. Я выпросил его. Я хотел, чтобы они и особенно этот рыжий были со мной ближе и подольше. Ведь я, вспоминая его, воссоздал другого, похожего лет пятнадцать тому назад, в городе Горьком в спектакле Ривочки Левите «Царь Салтан». Это тоже был испанский гость». Да и мы все, по словам Шварцмана, из Испании, вернее из Иберии. Мы иберийцы — Ивреи.

Мечты о мушкетерском плаще

В детстве в театр нас с Таней водила тетя Аня. После эвакуации и убожества города Фрунзе мы оказываемся в огромном золотом, не виданном никогда зале любимого с тех пор Большого театра.

Мы сидим на ярусе, прямо над Царской ложей, облокотясь на ее закругленный фронтон и смотрим балет «Щелкунчик». Игрушки в коробках и елка, розовое море с лодкой. Ах! — только и могу сказать я даже сейчас. На празднике Рождества в балете были дети. В кружевных панталончиках

из-под юбок — девочки и мальчики в полосатых недлинных штанишках и курточках с медными пуговицами. Это ученики балетной школы участвовали в спектакле. Тетя Аня предлагала фантастический вариант устройства нас с Таней в ту балетную школу. Вот был бы ужас. Какое счастье, что этого не произошло. Гораздо позже, когда на Николиной горе мы ходили учиться всего лишь танцевать, я был самый мелкий и всегда последний, неловкий. «Щелкунчик» волновал еще лет пятнадцать потом, поскольку Гофман был какой-то запрещенный, сумасшедший сказочник-мистик, алхимик, почти черт.

В 1946 г. тетя Аня ведет нас на «Трех мушкетеров» в Театр юного зрителя, который в тот момент играл в нынешнем, сейчас разваливающемся, Театре им. Станиславского. Проходим незабываемый выщербленный кафель вестибюля. Ждем спектакля. Сцена такая малосенькая и вечер такой недлинный. С трепетом впитываем, несмотря на это, всю бесконечную историю с мушкетерами, слугами, королем, кардиналом, королевой, Бекингемом, Миледи, лордом Винтером, Констанцией, господином Бонасье, Рошфором, палачом, гвардейцами, Де Тревилем, музыкой, Парижем, Лондоном и всем XVII веком в придачу. Сторож ходит с колотушкой по Голубому Парижу — «все спокойно», лилии отсвечивают

на золотых ступенях, гривы лошадей развеваются на ветру. Мушкетеры подслушивают разговор Миледи и Ришелье на втором этаже через каминную трубу — как этот второй этаж уместился на этой сцене? Слуги приносят портшез Миледи перед дуэлью англичан и французов.

Дуэли, дуэли, синие мушкетерские плащики с лилиями (юресы, которые должны на них были быть, тогда было делать нельзя — дети могли поверить в Бога). Страусовые перья, черные длинные плащи, широкополые шляпы, звенящие шпаги, красные мантии, бриллианты, бал — вся жизнь, вся история. Это незабываемо.

Позже видел нескольких мушкетеров: Планшона на гастрольях в Москве, в Горьком — Наровцевича, в Тюзе — Товстоногова-младшего. В Свердловске с Жигульским в 1973 году даже выпустили своих. Все это удовлетворяло меня мало, так как мушкетеры были лишь поводом «хохмить», а не мечтательно восхищаться.

С 1946 года началась моя любовь к Дюма-отцу и Д'Артаньяну. В нашей детской библиотеке с заказанным папой типографским экслибрисом «Из книг Тани и Сережи Бархиных» были Герберт Уэллс, Жюль Верн, Сетон-Томпсон, Фенимор Купер, Майн Рид — все это книги папиного детства или подаренные дядей Юрой Ермаковым — папиным однокашником и другом. Но

Дюма ни старого, ни нового не было. Папины пропали, а нового издания не было, т. к. Сталин, видимо, мушкетеров не читал и не мог любить. Впервые держал книгу в руках лишь в Сухановской библиотеке ярким солнечным утром. Папа, приехав туда накануне по собственной инициативе, взял ее, чтобы меня осчастливить. Ух! Какие иллюстрации — старые французские. Чьи они? Правда, издание было советское — «Библиотека приключений» с золотыми барочными червячками по выцветшему зеленому переплету, но довоенное. Томику кубообразный и расстрепанный, как старший молитвенник. Сколько же раз я его перечитал?

По моей просьбе тетя Аня взяла в Академии Архитектуры два толстенных кожаных тома лучшей, восхитительной цветной истории костюма — Расине. Я стал много рисовать и только мушкетеров. Как-то, болел гриппом, чтобы не заразить сестру, я находился у дедушки и, когда никого не было, нарисовал (увеличил по клеткам) и раскрасил маленькой кисточкой огромного, более двух метров высотой Портоса на четырех полных листах желтоватой оберточной бумаги, истратив всю Гюнтер-Вагнеровскую коробочку акварели к ужасу владелицы — той же тети Ани. Этого Портоса я еще лет 20 назад видел скрученного в сухой рулончик где-то на полатах в мамином

ПЛАЩЕ

доме, правда, без ног, то есть только три листа. Наконец ко дню семидесятилетия дедушки (25 марта 1950 года) я сделал свою первую декорацию на подрамнике и размером с настоящий театральный эскиз. Он и сейчас цел. Многие там срисовали с малюсенькой фотографии с дуэлянтами какого-то спектакля в послевоенном номере журнала «Америка». Позже докопался до гравюр

таясь после премьеры в ужасном настроении домой, — жил я тогда в бывшем Газетном переулке (где когда-то был «Гудок») на улице Огарева, напротив окон МВД. Проходя мимо дома издательства и типографии «Труд» Эрихсона, где на первом этаже был поздно работающий магазин, называемый «Правдой» или тоже «Трудом» с винным отделом, решил зайти туда и от горечи выпить. Небольшая очередь. Два потерявших господина постарше меня (мне тридцать) немедленно предложили быть третьим — согласился. Тогда скидывались по рублю и выпивали на троих, по 166 грамм каждый. Я и стал Башышкиным (известный футбольный армейский защитник, имеющий 3 номера), т. е. третьим. Пока стояли в очереди, услышал, что разговор идет об интригах в театре, более того, в Тюзе. Ввязавшись вежливо в разговор, спрашиваю их о судьбе тех трех мушкетеров-артистов. Один из моих собутыльников оказался Портосом. Проверяю его вопросом, какие у него были перья на шляпе. Я помню красные. Он проходит проверку, и я бросаюсь в объятия. Мы договариваемся ставить новых мушкетеров. Жалко только, что с нами не было Д'Артаньяна, Атоса и Арамиса.

Я был очень строг ко всем рисующим и иллюстрирующим мушкетеров и все же был совершенно удовлетворен и советскими картинками художника Кускова в поздней библиотеке приключений. Снимаю шляпу, восхищаюсь и говорю, как говорю очень редко: «Я так бы хотел, но не могу. Спасибо!» Если бы я подарил кому-нибудь из ребятшек такое мимолетное, но вечное счастье, которое испытал от того тюзовского спектакля, был бы тоже счастлив. Художник того спектакля В. Л. Талалай и сейчас еще главный в Тюзе, а я, когда там работаю, всегда как бы отдаю дань счастью того спектакля и театру, и детству, и тете Ане, и Расине, и А. Боссе.

В 1968 г. мы с Аникстом делали какую-то бузу в Театре сатиры. В. Н. Плучек — один из самых едких сатистов-режиссеров, извел нас. Возвраща-

С тем Д'Артаньяном я и сейчас часто встречаюсь. Это народный артист, уже старенький Горелов. С ним не пью и никак не могу поверить, что это маршал Франции.

Рукопись. — 1994. — 2 июля. — с. 12.